

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Наполеон, император французский

<Фрагменты>

<...>

Бонапарте не трогается криками злоречия, но умеет отдавать справедливость совершенствам; он не открывает слуха к тайным доносчикам, вертящимся вокруг его, коих цель всегда ссорить, без всякого вида общей пользы.

10 года¹ генерал Мену², возвратившийся из Египта представлен был Бонапарту, который отлично принял его; «В присутствии вашем,— сказал Мену,— сожаление о потере прекраснейшего завоевания снова возраждается в душе моей, и проч.».

«Участь сражений,— отвечивал Бонапарт,— неизвестна. Вы сделали все, чего можно было ожидать от храброго и опытного воина, после несчастного дня 30 жерминаля 10 года*».

«Долгое ваше сопротивление в Александрии споспешествовало хорошему окончанию прелиминарных статей в Лондоне. Я знаю, ваши несчастья велики, но чрез них вы ничего не потеряли в моем почитании; и я поспешу изъявить оное пред всеми, дабы никто не осмелился очернить вашего поведения».

Бонапарт, объезжая департаменты прежде бывшей Бельгии³, дорогою видел живейшие и справедливейшие изъявления к себе чувств народного почтения и любви.

В Амьене он остановился: одна молодая дворянская девушка, украшенная приятностями красоты и простодушия не спускала глаз с него. Везде, куда он ни шел, встречала его. Наконец когда он пошел в одну городскую мануфактуру, эта интересная красавица, в сильном волнении посмотрела на него, упала в ноги и открыла, что движение сие происходит от невольного чувства, ибо она ничего не могла сказать; не имела

* Сражение при Абукире.

до него никакой просьбы, не домогалась никакого права, не искала никакой милости. Одним словом, кажется, что мысль о великом человеке, которым она без сомнения уже давно занималась, была единственной причиною сего поступка. Встревоженный Бонапарт поднял ее и говорил с ней так ласково, так тихо, что она тотчас успокоилась. Госпожа Бонапарт, осведомясь о месте ее пребывания, в тот же вечер послала к ней в прекрасном ящичке портрет первого консула, написанный Изабеем⁴ и высокой цены медальон.

<...>

На параде 15-го прериала 10 года⁵ Бонапарт, сняв флер с знамен 1-го артиллерийского полка, опять возвратил ему оные⁶, и обратясь к начальнику бригады сказал: «Вот новые флюгери⁷: я хочу истребить и воспоминание о печальном флере, 8 месяцев покрывавшем сии знамена».

«Канонеры 1-го полку! Вот ваши знамена. Они всегда должны служить вам точкой соединения; они пойдут везде, где только народ французский и его правительство будут иметь неприятелей. Клянитесь защищать их до смерти, клянитесь, что они никогда не достанутся неприятелю».

Клятва произнесена была с энтузиазмом и после различных песен, сыгранных полковою музыкой, Бонапарт продолжал так:

«Офицеры и нижние чины первого полка, в ваших рядах я получил первые уроки военного искусства; полк сей внимал прежде одному гласу чести: будьте достойными первенства первого корпуса в армии; возвестите, что мне очень приятно видеть его на сем месте».

Строгость сия Бонапарта к полку, в котором он начал свою службу, доказывает, сколь хорошо ведет он военную дисциплину. Самое наказание в его руках дает чувствовать солдату величие его души; оно электризует виновного, не охлаждая сердца его к начальнику, делается поощрением, семенем геройства: вот сколь важно уметь штрафовать!

На сем же самом параде, приметив штаб-лекаря сего полку, которого он давно не видал, сказал ему сии слова: *А гророс⁸ гражданин Бьевело, все ли вы единственный оригинал с своей веселостью? Не столько как вы В.П. дела ваши во всем отличны от других и никто не может подражать вам.*

Во время своего путешествия в Булони и по берегам Бонапарт осматривал одну дивизию; солдат 4 полубригады, представ к нему с оружием, сказал:

«В 5-м году я разделял с вами муниционной хлеб, при узких проходах Бассано; это вам было очень полезно; голод угнетал вас; вы, верно, не забыли. И так прошу вас поступить также с моим дряхлым и старым отцом. Я получил пять ран, сделался капралом и сержантом на поле сражения: и надеюсь быть прапорщиком при первом действии».

Вспомнив, что анекдот справедлив; Бонапарт удовлетворил его просьбе.

В один день, несмотря на сильной огонь английского фрегата, он объезжал на пенише⁹ Булонский рейд, и заметил, что выстрелы из одной батареи совсем не касались неприятеля; вдруг выходит на землю, летит к батарее, вынимает карандаш, делает расчисления по записной своей книжке и велит канонерам положить в пушки побольше пороку. Они выполняют приказание, но бомбардир медлит палить, боясь, чтоб не лопнула мортира. Присмотрев его страх, Бонапарт берет фитиль, приставляет к затравке, удар следует и бомба разбивает бушприт у английского фрегата.

Когда для размещения стана Бонапартова начали рыть землю в лагере Булонском, то нашли, как бы в предзнаменование бердыш, которой по-видимому, принадлежал Римской армии, напавшей на Англию. В Амблетезе, при расставлении его палатки нашли медали завоевателя Гийома¹⁰: надобно согласиться, что такие обстоятельства не обыкновенны, они покажутся еще страннее, когда представим, что Бонапарт, обозревая развалины Пелузы нашел в них un samée¹¹ (камень, составленный из разных слоев и выпукло вырезанный) Юлия Кесаря.

<...>

Излишняя ревность сделала одного молодого человека преступником; родня его прибегла к Г-же Бонапарт, которая решилась исходатайствовать ему прощение у своего августейшего супруга. — Я прошу вас о сей милости, сказала она еще в первый раз, исполните мою просьбу? — Не могу, отвечал он — вы мне откажите! Так сударыня: когда узнают, что я и вам отказал, то никто не осмелится меня просить.

Когда весь Сенат пришел открыть Бонапарту поразившие его чувства, при открытии злоумышленников, купленных Англией¹², то он отвечал:

«С тех пор, как судьба и воля французского народа возложили на меня занимаемую мною должность, я отказался от приятностей частного состояния... Жизнь моя продолжится столько, сколько нужно для французского народа, и желаю, чтоб нация знала, что с той минуты, в которую я потеряю ее доверенность, жизнь моя будет без цели и без утешения и тогда же окончится.

Когда Президент законодательного корпуса пришел изъявить Бонапарту чувства, произведенные в членах сего общества известием о намерениях заговорщиков, то император отвечал.

Я с удовольствием видел доброе расположение французов в сих последних обстоятельствах. Заговорщики нашли убежище только между такими людьми, которые не имеют отечества. Все, уважающие честность и имеющие права на общее отличие, или по древним навыкам, или по настоящей доверенности правительства с ужасом убегали

злодеев. Никакой класс невиновен. Некоторые только из частных будут наказаны. Мнения и заблуждения прошедшие, какого бы рода ни были, не могут относиться к национальному правосудию. Оно знает только настоящее преступление. Державы матерых земель Европы составляют один обет с французским правительством; они желают с ним, чтобы виновники бунта исчезли навсегда».

Во время последнего заговора, составленного против жизни Бонапарта, одна женщина дивилась так частым злоумышлениям против того, которому Франция одолжена своим спасением. «Между тем,— говорила она,— ни одного заговора не было против Робеспьера; когда сие чудовище упивалось кровью и покрыло сетующую Францию эшафотами». «Это весьма легко объяснить, сударыня,— отвечал один.— Робеспьер, умерщвляя французов, опустошая Францию, служил Англинскому правительству. Чем больше он делал зла, тем лучше выполнял виды Лондонского кабинета: и так не удивительно, что никто не посягал на его жизнь». Национальный институт, представленный Бонапарту, во время Англинского заговора, открытого в 12-м году, ограном своего президента объяснялся в следующих словах:

«Поразив одну главу, Англинское правительство могло поразить целую республику.

Осиротевшее отечество, лишась спасшего его героя, видело возрождающиеся все свои несчастья.

Мы теряли в вас блюстителя спокойствия наших семейств, тишины наших городов, славы наших войск, благоденствия нашей земли.

Ученые общества, едва возрождающиеся, училища едва открытые, школы едва заведенные оплакивали своего основателя.

Воспитанники Сен-Сира, Компьена, Фонтенебло, наших многочисленных лицеев снова делались сиротами.

Гений Франции сохранил вас, одолженный ему спасением вашей жизни, счастливый национальный институт воздает благодарность вкупе и за то, что вы не должны были, и не будете никогда страшиться заговоров, начатых во Франции и французами. Угрожавшие вам злоумышления составлены были на иностранной земле вечными неприятелями французов и Франции.

Те, которые хотели служить оным, вспомоществовать и пользоваться, равные перед правосудием, постигшим их, будут равны и пред законом, который их станет судить; и англичане, которые не могли вас достигнуть бессильными своими кинжалами, скоро затрепещут от вашего победоносного меча.

Почто мысль сия должна обратить нас к другой опасности, в рассуждении вашей особы, и к чувству нового страха.

Мы смеем объяснить его, когда вся Франция разделяет оный, когда сии неустрашимые батальоны, сия верная гвардия, сии храбрые

воины всех полков, которых собственные опасности никогда не трогали, содрогаются при представлении ваших.

Ах, по крайней мере, не забудьте никогда, что великая нация вручила вам залог своей судьбы. Вспомоществуйте благоразумием своим, обетам Франции и нашим; спомоществуйте промыслу, бдящему о нас, коему угодно для спокойствия мира, ваши учреждения, усовершенствованные вами сами».

О БОНАПАРТЕ*

27 лет Бонапарт покоряет Италию; его завоевания ни в чем не походят на завоевания Карла VIII, и Людовика XII, подобные воинскому путешествию; Кесарь не превосходит сражениями сего нового победителя. Вся Европа устремилась в Италию, чтоб защищать ее против французского полководца, старые войска австрийские спешили искать там, среди великих опасностей, нового блеска военной своей славе; берега каждой реки, проход каждой дефилии видели снова достопамятные сражения, бывшие при Черезоле, Мариньяно, Лане и Стейнкерке¹³. Эта славная Итальянская кампания походила, так сказать, на живую галерею, представляющую все лучшие военные образцы нынешних героев. В летописях истории нет примера так упорной и искусной обороны и атаки, так быстрой в своих движениях, так обильной в победах, так разнообразной в маневрах. Пять сряду разбито армий, и три полководца, состаревшие под лаврами, коих слава была ничем не помрачена, отставлены от войны. Италия, доставшаяся победителю по праву войны, не подверглась никакой участи народа, покоренного оружием; возвратив древнюю ее славу, герой ровняет ее в высоком назначении с империей, им управляемой, отданный своему королю, Неаполь под покровительством Франции делается одной из великих матерых¹⁴ держав. Завоеватель, отказавшись о торжественного въезда в Капитолий, оплакивает несчастья сей владычицы народов; возвращает ей первосвященника и жезл веры... Я не говорю о его завоеваниях на Востоке, он пожертвовал ими для спасения Франции, которая угрожаема будучи участию несчастной Польши, готова была уничтожиться в пропасти безначалия, если б промысл не возвратил ей героя, составляющего всю ее силу. Гений Бонапарта уже десять лет составляет счастье Франции. Едва слабое судно привезло его в пристань Прованса, как участь империи переменяется; победа

* «Отрывок сей извлечен из бумаги, появившейся в 11 году. Мы долгом почли поместить его здесь, ибо он составляет картину, которую всякой может объять своим взором, оттенки в ней так строго соблюдены, что легко рассмотреть ее части и ценить целое.

бросает неприятельские знамена. И остается верною при наших штандартах. Непобедимый Суворов удаляется, и горы Гельвеции¹⁵ снова делаются неприступною оградой для Франции. Бонапарт появляется — и народы наших унылых полей принимают его среди радостных восклицаний надежды. Он приезжает один с небольшим числом своих друзей, но благоприятствующая ему фортуна делается залогом общего благополучия. Гнусное правительство¹⁶, которое шесть месяцев было соблазном Европы, стыдом и поношением Франции исчезает в присутствии героя; и единогласные желания народа вручают вожжи государства великому человеку. Который прежде возвел его на столь высокую степень величия. Едва протекло шесть месяцев, со времени как Бонапарт стал главою правительства, и австрийцы, которые, овладев Ниццей, угрожали нашим южным провинциям, прогнаны в свои наследственные области; границы французской империи отнесены к тем пределам, которые им назначили победы Карла Великого. Таким образом Бонапарт, в первый год своего восшествия выполняет то, о чем не смел подумать отважный гений Ришелье и чего не мог произвести честолюбивый Людовик XIV, после двадцатилетних торжеств. Уже около одиннадцати веков, народы, разлученные от Франции, присоединяются к ее владениям, умножают число жителей, военную ее силу и земли. Наша счастливая нация делается первым народом во вселенной; Европа дивится ее славе, могуществу и постановлениям. Целый мир наполнен именем ее. Став владыкой над всеми движениями, располагающими действием иностранных держав, Бонапарт употребляет всемогущее свое влияние к утверждению системы общего мира. Вся Европа кажется одной западной нацией, в коей Бонапарт герой и примиритель.

Он наполняет все матерые земли памятниками политического своего могущества; его победоносная рука кладет основание монархии, бытие коей признается всеми самодержцами Европы, и трон сей монархии делается почтенною наградю древней и постоянной дружбы одного славнейшего царского дома. При вступлении в Италию, он основывает республику, коей силы могут спорить с силами держав второклассных: и республика Итальянская, заменив в политической системе Венецианскую делается ужасною крепостью, которая прикрывает Францию со стороны наследственных областей австрийского дома.

Еще в первый раз охуждает¹⁷ войну, так как ядовитую проказу империи, вводящую на место тихих и благодетельных чувств необходимость угнетать и разорять: таким образом увенчав чело свое лаврами победы, он останавливается среди своих завоеваний, чтоб предложить мир побежденным неприятелям. И се тридцатилетний завоеватель затворяет храм брани и возвращает к древним добродетелям народ,

прославившийся своими триумфами. Он хочет мира, чтобы утвердить царство законов и справедливости на развалинах возмущений и остановить ужасные успехи сего революционного скопища, которое грозило Европе всеобщим разрушением.

Он один мог положить предел сей Вандейской войне¹⁸, которая так давно опустошала наши провинции; он обращает бунтующих к повинению, возвратив прежний блеск древней нашей религии, за которую они сражались; он заставляет их бросить оружие, воздвигнув разоренные храмы и ниспроверженные алтари их. Сии несчастные вандейцы, искавшие лавров мученичества, находят мирные оливы, которые предлагают им братья, поклонники той же веры и ученики Евангелия. Бонапарт не пролил и капли крови, а области Вандейские делаются самыми верными провинциями империи, им управляемой.

Сей законодатель созданной им империи, дав в основание нашим законам благочестивую нравственность, имел в виду своем систему общего благоденствия. Оживив земледелие, умел справедливыми мерами составить для него новое начало жизни и обилия; считая коммерцию неистощимым рудником государств, поставляющих ее главным предметом деятельной своей промышленности, а навигацию душою коммерции, он намеревается соединить Ла Манш, Океан и Средиземное море, Сомму и Самбру с Еске¹⁹, Уазу с Самброю, Гаронну с Роной. Таким образом вся Франция составит один большой город, где реки и источники будут улицами, а два моря бассейном. Мы видели, как сей великой человек, уклонясь от высоких своих обязанностей, ездил в провинции, спрашивал о выгодах и занятиях народа и оживлял своими взорами промышленность, деятельность и национальное богатство. Проезжая от мануфактуры к мануфактуре во многих департаментах он искал не триумфальных арок, а обозревал рабочие.

Роскошь, питаемая национальною промышленностью, благоприятствуя расчетам коммерции, дает деятельнейшее обращение вымышленным богатствам. И для того Бонапарт окружил публичные должности сим величественным блеском, которой обращает внимание, внушает почтение и поражает воображение, знакомит чувства с действием закона, дабы влияние его скорее устремлялось на мысли гражданина. Промежуточные знаки необходимы для народа; они господствуют над мнением, не поработая оно: такая власть тем меньше может беспокоить, что характер ее нимало не отягчает.

Сделав мудрые и полезные распоряжения по армии, он сделался благодетелем спутников его побед: для них-то он учредил сей Почетный легион²⁰, равный поначалу своему славнейшим военным орденам в Европе. Богатство, геройство и почетные украшения сливаются с блеском и пышностью сего установления.

<...>

Ободряя сими почестями и дарами ревность воинов, он не оставляет в небрежении и другие части гражданского правления. Не он ли воздвиг ко славе наук и художеств сии священные храмы, где философ проповедует добродетели нравственности, где историк с величием открывает архивы рода человеческого, где оратор показывает изящество красноречия, где пиит пленяет гармониею своих стихов и где артист одушевляет свою кисть? Не умножил ли он благодетельных заведений, прибежищ христианской любви и страждущего человечества?

Надобно согласиться, что промысл никогда не благоприятствовал столь особенным образом великим мужам, коих назначает он иногда к возрождению империй. Часто сии герои законодатели заглаждают, подобно Кесарю Августу²¹, такие злодеяния, в каковых они сами участвовали, они поставляют предел гибельным революциям, между тем как прежде, подобно Кромвелю, вращали сами факелами бунта и пламенниками междоусобной войны.

Бонапарт чужд сей пагубной революции, из коих со времени его благополучного восшествия, осталось у нас одно слабое воспоминание; сей тридцатилетний герой лаврами победы отер слезы, которых он не был виною: он отверз темницы, коими Франция была покрыта, не подписав ни одного указа брать под караул. Тогда будучи простым офицером в воинском строю, он подвержен был сам неистовству тиранства*, коего ненавистные здания сокрушены победоносными его руками. Франция обязана ему возвращением своих изгнанников: будучи еще частным человеком, он всегда без робости порицал ненавистную систему изгнания, а ныне противу полагает свое могущество всем мстительным мерам тех, которые подписали оные: он хочет погасить ненависть, укротить гнев и подавить все вражды политической системы, которую торжествующие руки его основали на развалинах древней монархии и на обломках наших революционных мятежей. Наконец после столь многих раздоров, по одному влиянию гения возвышается девственное правление среди толиких скверн, чуждое всех нареканий, коих прежние неустройства могли бы быть предметом, или предлогом.

Можно ли старым роялистам упрекать его, что занял упразднившееся место и поставил права, данные ему единогласным желанием сограждан, на место династии, коей падение торжественно подтверждено законами, и в коем он не мог участвовать. Пепин, отец Карла Великого и Гуго Капет, лишив престола государей, заняли места их

* По взятии Тулона Бонапарт был арестован в Ницце, куда он приехал как террорист по приказанию Бефруа; пересмотрели его бумаги и нашли в них одну дружескую переписку о простых делах, планы и записи о войне с письмами, которые дышали одною честью: и ему возвращена свобода.

и беспристрастное потомство никогда не вменяло им в порок революцию, соделавшуюся необходимой для спасения французов.

Когда 14-го июля по прочтении превосходной речи великим канцлером, все члены Почетного легиона дали присягу его величеству, равно как и обер-офицеры, представленные сим же канцлером пред троном прочли оную.

То император надел шляпу и, оборотясь к ним, произнес громко и с жаром следующие слова:

«Коменданты, офицеры, граждане, легионные и простые солдаты, клянись вашею честью посвятить себя на службу империи, хранить ее во всей целости; защищать императора, законы, республику и собственности каждого; отражать всеми средствами, какие только позволяют справедливость, разум и законы, всякое покушение, стремящееся восстановить ленное право; наконец клянись споспешествовать всеми силами сохранению свободы и равенства, первых оснований нашей конституции! Клянись!»

Каждый член легиона, подняв руку, повторял: клянусь. Крики, *Vive l'Empereur*²² раздавались со всех сторон.

Сии последние слова, произнесенные самым выразительным тоном, произвели во всех живейший восторг.

По окончании обеда знаки Почетного легиона положены были при подножии престола в золотом сосуде.

Господин Сегюр обер-церемонийместер взял два знака и отдал г. Талейрану, великому канцлеру. Последний поднес их к его императорскому высочеству, принцу Людовику, который возложил на его величество. Вдруг несколько раз кричали опять: да здравствует император!

Когда Сенат, согласно с положением французского народа, объявил, что императорское достоинство остается наследственным в детях законных, побочных и усыновленных Наполеона Бонапарта и в детях законных и побочных Иосифа Бонапарта и Людовика Бонапарта так, как учреждено актом государственной Конституции 28 флореаля 12 года; то император отвечал на речь Президента:

«Я восхожу на престол, куда призывает меня совокупное желание Сената, народа и армии, чувствуя в сердце своем великое предопределение сего народа, которой из среды лагеря я первый поздравил именем *Великого*.

От юности мысли мои были посвящены ему; и я должен сказать вам, что счастье и несчастье моего народа составят мои удовольствия и горести.

Потомки мои долго сохранят сей престол.

В лагерях они будут первыми солдатами армии, жертвующими своею жизнью на защиту отечества.

Будучи правителями, они никогда не потеряют из виду, что презрение законов и нарушение общественного порядка происходят единственно от слабости и незнания государей.

Сенаторы, вы, которые в самых трудных обстоятельствах всегда помогали мне советами и были покорны, ваш дух прейдет в ваших преемников, будьте всегда подпорами и первыми советниками сего престола, так нужного для благоденствия обширной империи».

Венчание²³ Наполеона в императоры французов происходило в Кафедральной парижской церкви в воскресенье 11 фримера (2-го ноября 1804 года²⁴). Никогда не было такой прекрасной, великолепной и важной церемонии. Она производилась с величайшим порядком и с достоинством, приличным обстоятельствам. В 12 часов, император и императрица были встречены у церковных дверей духовенством: г. кардинал Камбасерес говорил приветственную речь. Их величества вышли из церкви около четырех часов, их провожали с таким же порядком, как и встречали. Они пробыли несколько минут в покоях архиепископских; потом, сев в кареты, отправились в Тюльерийский дворец со всею свитою. Его Святейшество заходил также в архиепископские покои, где принят был многими архиепископами, епископами и белым духовенством; святейший отец разговаривал с ними весьма ласково и благосклонно.

Вот как расположены были места в продолжении сей коронации. По правую сторону престола стояли министры, а по левую маршалы, инспекторы и начальные полковники, а ниже их по обеим сторонам члены Государственного совета.

Обер-церемониймейстер при подножии престола; позади адъютанты, начальник армейских герольдов и два герольда.

Сенаторы наперед престола, одна половина по правую, а другая по левую сторону; президент на первом месте. Потом члены законодательного корпуса, за ними члены Трибуната, обер-офицеры Почетного легиона, комиссары городских повинностей, дивизионные генералы, президенты и апелляционных дел, генерал-прокуроры, президенты избираемых коллегий, приморские префекты, префекты департаментов и генерал-прокуроры уголовного суда.

Бригадные генералы, президенты главных департаментских советов, вице-префекты, мэры 36-ти главных французских городов, президенты Кантонов, президенты консисторий и вице-президенты коммерческих советов. Подле алтаря на стороне Евангелия Папа, окруженный своими обер-офицерами, сидел на престоле; на другой стороне алтаря Кардиналы: по обеим сторонам клироса архиепископы, епископы и парижское духовенство.

Среди хора стояли двое кресел под балдахином для императора и императрицы, аналой и бархатные подушки пред их величеством: принцы, принцессы и чиновники стояли позади их.

По правую сторону престола императорское место; против и на левой стороне престола места дипломатического корпуса. Прочие места занимали фамилии больших чиновников и статские обер-офицеры, военные и купеческие депутаты, общих и частных дел парижские судьи.

На другой день коронации происходили публичные увеселения. Движение народа, которой переходит от веселья к веселью, следовало за помпой торжеств, городское платье за пышностью костюмов, народные игры за церемониями, и на место блестящих свит, виденных накануне, представлялось необъятное зрелище народа, рассеянного по набережным публичным местам, гульбищам и бульварам, где все роды потех представлены были.

Третий день был посвящен оружию, храбрости и верности. Император раздавал армии и национальной гвардии орлы, которые должны всегда предводительствовать ими на поле чести.

Церемония сия происходила на Марсовом поле: не было места приличнее. Сие обширное поле, которое уставлено было депутатами, представлявшими Францию и войска, изображало зрелище храброго семейства, собравшегося пред глазами своего начальника.

Император сказал:

«Солдаты, вот ваши знамена; эти орлы всегда будут служить вам точкою соединения, они полетят повсюду, где только император почитет их нужными для защиты своего престола и народа.

Клянитесь жертвовать за них вашею жизнью, защищать и сохранять всегда вашим мужеством на пути победы! Клянитесь!»

«Клянемся!» — воскликнули единогласно президенты коллегий и все шефы армии, подняв вверх орлы, врученные их храбрости.

«Клянемся!» — повторило все войско, устами присланных своих начальников чрез депутатов национальной гвардии, вращая своим оружием и соединяя восклицания свои с шумом военных труб и орудий.

После сего движения, быстро перешедшего к зрителям, толпившимся на подмостках, составляющих окружность Марсова поля, понесли орлы в назначенное место; войско, расставленное по дивизиям, а депутаты по отрядам, шли дефилями²⁵ перед императорским престолом.

Свита возвратилась во дворец в пять часов среди восклицаний, сопровождавших ее по всем местам.

Во время праздника, данного императору городом Парижем в воскресенье 25 февраля, множество просьб подано было его величеству, когда он проезжал в ратушу. Штаб и другие офицеры, окружавшие императорскую карету отбирали их с великой поспешностью и вручали императору, который принял оные благосклонно.

На другой день коронации император писал следующее письмо к епископам французским.

«Брат мой (*mon cousin*), промысл даровал мне новые силы к понесению тягости короны, возложенной им на главу мою, в том веселии, каковое народ изъявил по случаю помазания и венчания моего, во вчерашний день совершившегося со всею пышностью и торжеством, увеличенным присутствием нашего святейшего отца Папы, видимой главы соборной церкви восклицания, сопровождавшие в продолжение и после сей священной церемонии, проникли сердце мое глубоким чувством, которое никогда не изгладится. И так дабы верховное существо, столь ощутительно покровительствующее империи соединяло с священным помазанием, восприятым мною, все дары чаемые мною от его божественной благодати; чтоб ниспослало мне премудрость, первую добродетель государей и сохранило мой народ в мире и спокойствии, которые всегда будут составлять любезнейший предмет моих попечений. В которых я всегда буду зреть незыблемую славу моего царствования; я желаю видеть отправление публичных молитв во всех церквах империи. Посылаю вам сие письмо с тем. Чтоб вы заставили пропеть *le Te Deum* в церквах вашей епархии и чтоб пригласили к молитвам, имеющим быть в вашей церкви, тех властей, которые обыкновенно присутствуют при таких обрядах. За сим молю Бога, да сохранит вас святым своим покровом».

Наполеон

13-го года заседание законодательного корпуса открылось с торжеством, которое составит эпоху в истории. По официальному приглашению императора, члены законодательного корпуса 6-го нивоа²⁶ собрались в большом костюме в залу своих заседаний. Она убрана была отлично: места и бюро президента и секретарей представляли один пространный базамент, на котором воздвигнут был великолепный трон для его императорского величества, по обеим сторонам стояли во многих рядах стулья для принцев и главных чиновников; напротив и вверху мест законодательских поставлен был трон богатой и великолепной для императрицы. Никогда публичные кафедры не представляли многочисленнейшего и отборнейшего стечения особ обоего пола; но все сие изображало нечто важное и живописное.

Когда в 19 часов пушечной залп возвестил приезд его величества, то порядком входили депутаты Сената, Трибуната и Государственного совета.

Спустя немного прибыли император, принцы его братья, главные чиновники и вся его свита. Восклицания «*Да здравствует император*», сопровождали его до самого трона. Принц Иосиф позвал членов законодательного корпуса к присяге. Один из квесторов прочел все

имена: и каждый депутат произносил громким гласом: *Клянусь повиноваться конституциям империи и быть верным императору.*

Принц Иосиф стоял во все продолжение присяги.

По окончании сего обряда император встал и, обратясь к законодательному корпусу, произнес речь; вот содержание оной:

«Господа депутаты законодательного корпуса, Трибуната и моего Государственного совета, я присутствовал при открытии вашего нового заседания и хотел чрез то дать вашему собранию важнейший и величественнейший вид, равно как и вашим трудам. Принцы судии, солдаты и граждане, мы все имеем одну цель — торжество и благо отечества. Если трон любезен взору моему, то потому только, что он один может сохранить бытие и славу государства. Без твердого и отечественного правления нации нельзя надеяться ни счастья, ни прочности, слабость верховных правителей хуже всех бед. Как консулом так и императором я имел одну мысль, одно желание — благоденствие французского народа. Я имел в сердце своем совершение закона, возрождение нравственности и восстановление религии; если смерть не постигнет меня среди моих трудов, то надеюсь оставить потомству воспоминание, которое послужит моим преемникам примером или упреком: я приказал моим министрам отдать мне верной отчет о положении различных вещей публичного правления; я доволен хорошим состоянием финансов. Чрезвычайные расходы, вынужденные обстоятельствами, легко будут заменены сборами, и какие б ни были нужды, соединенные с издержками войны, в которую мы вступили, я не потребую у моего народа никаких новых пожертвований.

Я бы хотел видеть воцарившийся мир в Европе; но начала наших неприятелей и новые их поступки с Гишпанией затрудняют и самые переговоры. Я не хочу расширять пределов Франции, но сохранить целость ее. Во мне нет честолюбия иметь большее влияние на государства Европы; но я не желаю потерять то, которое имею: Франция должна защищать составленные ею царства и народы, требующие ее покровительства и благосклонности. Назначив мне корону, народ мой восприял со мною обязанность помогать мне всеми усилиями своими, чтоб поддержать с достоинством его славу и мою. Надеюсь на силу нации и ее чувства ко мне, я не престану пещись о ее выгодах.

Господа депутаты законодательного корпуса, господа Трибуны и члены моего Государственного совета, ваше поведение в предшествовавшее заседание, одушевляющая вас ревность к отечеству и моей особе, ручаются мне в требуемых от вас пособиях».

За речью сей последовали громкие восклицания «Да здравствует император!», многократно повторяемые собранием всех присутствовавших. Сии же восклицания снова начались при отъезде его величества и продолжались, пока он вышел из залы.

Проводив с депутатами свиту до ворот дома законодательного корпуса, президент возвратился в собрание и приглашал его на другой день к полудню, чтоб изготовить ответ на речь Его Величества.

Другое заседание законодательного корпуса также торжественно происходило 24 нивоза²⁷, в честь посвящения статуи, воздвигнутой Наполеону, когда он был еще первым консулом, по совершении его уложения.

В семь часов законодательной корпус собрался в большом костюме. Великолепно освященная зала была наполнена великим множеством дам, богато и со вкусом одетых.

На верху подмосток находилась галерея, назначенная для дипломатического корпуса и отличных иностранцев, против президента сделаны были места для императрицы, принцев и принцесс, архиканцлера, обер-казначея, придворных дам и офицеров ее величества.

В круглой комнате, примыкающей к бюро, возвышалась покрытая статуя; около ее стояли приглашенные особы, занимающие в правительстве по армии первые места.

Собрание встретило императрицу восклицаниями, между тем как хор музыки, помещенный в ближайшей зале, пел сии слова Эфигении в Авлиде: *Какие прелести! Какое величие!*

Когда село собрание, то секретарь прочел процесс заседания 13-го жерминаля 12-го года, в коем посвящение статуи провозглашено было президентом. Потом г. президент приглашал государственных маршалов, членов Законодательного корпуса, Мюрата и Массену снять покров с статуи... Вдруг раздались тысячекратные восклицания «*Да здравствует Император!*» Музыка заиграла «*Vivat, vivat in aeternum! Живи, живи во век!*» господин президент назначил сказать речь господину Воблану Квестору²⁸.

В начале оратор говорил вообще о почестях, коими одолжено признательное отечество великим мужам, служившим оному, почести, сказал он, рождают ревность, открывают великие примеры, образуют героев и заставляют того, которой предметом оных, принять обязанность заслужить новые. Кто же достойнее таких почестей, если не тот, коего образ представляется глазам собрания? Кто оказал столько и столь великие заслуги? Кто лучше соответствовал ожиданию своих сограждан, освобожденных его мужеством?

Потом оратор описывает сокращенно первые годы Наполеоновой жизни. С места, где он учился военному искусству, следует за ним в лагери, где вскоре показал отличные действия; вспоминает о той минуте, когда он учинился было жертвою терзавших нас возмущений, и о той, когда возвращенный ко славе и оружию, удивил мир быстротою своих завоеваний, искусством военных и политических распоряжений, мудростью своих мер и тонкостью переговоров. Оратор следует за своим

героем из глубины Коринфии на берега океана, потом Нила, откуда он должен был возвратиться увенчанный новыми пальмами, чтобы исторгнуть Францию от кровопролитных неустройств и от свирепства неприятеля, напавшего на нее во время отсутствия первого ее полководца.

Революция 18 брюмера, учреждение консульской власти, великие в правлении и политике подвиги, ознаменовавшие сию эпоху, бессмертное сражение при Маренго, мир в Амьене и измена Англии, принудившей нас воспринять оружие, все сии происшествия представлены беглым образом и в каждом из них вития находят предмет похвалы и дань признательности императору, которой достоин блистательнейшей почести между человеческими постановлениями.

Г. Воблан обращением к императрице и самым красноречивым движением окончил речь свою. Возвысив чудеса гения, он говорил о непреодолимой силе благодеяния. И при этом слове, обратясь к своему предмету, спросил с жаром у слушателей, кто б в своем потомстве, в своем состоянии, в своем политическом бытии и в своей жизни не одолжен был благодеянием императору? «Вы,— сказал он,— которым возвратил он отечество, родственников, друзей, вы, которых исторг из заточения, вы, которых ввел в отечественные ваши дома; вы, коим возвратил храмы и восстановил богопочитание; вы, коих возбуждает его гений, поощряет ревность и ободряет труды, вот вам благодетель, поклонимся его образу!» Снова поднялись громкие восклицания и раздалась военная песня.

Тут Господин Фонтан²⁹ встал с своих кресел и сказал: «Оратор говорил собранию не о завоевателе и примирителе Бонапарте, но о Бонапарте законодателе, о том, которой осуществил высокую мысль Карла Великого, издал для Франции уложение и поместил в нем благороднейшие, прекраснейшие и полезнейшие учреждения. Конечно, он не унижает военных совершенств; и мог ли не чувствовать всего величия и всей важности оных, говоря о славнейших полководцах и пред славнейшими его заместниками? Но когда все трубы славы гремят его именем и шумом его подвигов, когда число его трофеев не может найти места для помещения своего, то законодательный корпус не воину должен воздать торжественную жертву, но гению, основавшему его силу на неизменяемых и мудрых законах; здесь образ его не украшается военными почестями, зато глава его мыслит. И в руках книга того закона, которой должен управлять и самую храбростью. Какое в самом деле превосходное торжество? Чего не учинит он? — Он победил бунтующих соперников, обуздал неистовые партии, удалил ложное учение, которое мучило нас и угрожало нам верною погибелью, первое государственное место была настоящая награда толиких заслуг; место сие было праздно: Наполеон не выгнал никого, он сверг с трона одно безначалие...»

Вот письмо, писанное императором 12 нивоза 13-го года к Английскому королю для склонения его к миру.

«Брат мой, я призван на престол французской промышлом и выбором Сената, народа и армии, мое первое чувство есть желание мира. Франция и Англия пользуются своим благополучием; они могут бороться целые века. Но правители их исполняют ли священнейшую должность? Столько пролитой крови без пользы и цели не есть ли упрек для их совести? Я не почитаю бесчестным преступить первой: кажется, я довольно доказал свету, что не боюсь войны, при том она мне не представляет ничего страшного. Мир есть обет моего сердца, прошу ваше величество даровать мир вселенной, предоставьте сие сладкое удовольствие вашим детям; ибо наконец никогда не было лучшего обстоятельства и благоприятнейшей минуты заставить молчать все страсти и внимать единственно чувствам человечества и разума: потеряв однажды сию минуту, какой назначите предел войне, которую все мои усилия не могли бы окончить; в десять лет, ваше величество, более приобрели земли и богатств, нежели сколько Европа имеет пространства, нация ваша стоит на высшей точке благополучия. Чего вы можете надеяться от войны? Склонить к коалиции некоторые державы матерых земель? Матерые земли останутся спокойны; коалиция только бы усилила перевес и величие Франции на суше. Возобновить внутреннее возмущение? Времена не все одинаковы. Разорить наши финансы? Финансы, основанные на счастливом земледелии, не разоряются никогда. Похитить у Франции ее колонии? Колонии для Франции суть уже вторичной предмет. И ваше величество не более ли имеет оных, нежели сколько может удержать? Если вашему величеству угодно будет размыслить о сем, то увидите, что война без цели, без всякого благовидного следствия для вас. Ах какая печальная перспектива! Для одних сражений сражаться народам! Свет довольно пространен, чтоб жить в оном нашим двум нациям, и разум имеет довольно власти, чтоб найти средства все согласить, если с обеих сторон пожелают сего. Впрочем, я исполнил священный и драгоценный для моего сердца долг. Верьте, ваше величество искренности моих чувств и желанию доказать вам оные. За сим и проч.».

Когда 21 плювиоза император раздал большую ленту Почетного легиона, то сказал получившим оную штаб-офицерам.

«Господа! Отличная почеть сия приближает вас к сему престолу, без всяких новых клятв; она не возлагает на вас других обязанностей, кроме той, чтоб исполнять установления Почетного легиона. Сие великое украшение имеет также и особенную цель т. е. соединить с нашими установлениями установления различных держав Европы и показать почтение и уважение наше к тому, что уважается у соседних и дружественных с нами народов».

В тот же самый день депутаты законодательного корпуса и Трибуната пришли благодарить императора за желание мира, изъявленное им Английскому королю.

Его величество отвечал депутатам Законодательного корпуса:

«Господа депутаты департаментов Законодательного корпуса!

Когда я решился писать к Английскому королю, то пожертвовал самым праведным негодованием благороднейших страстей. Желание пощадить кровь моего народа возвело меня выше суждений, обыкновенно располагающих людьми. Я всегда буду готов делать подобные жертвования. Мою славу, мое счастье я полагаю в счастье настоящего рода. Сколько могу, желаю иметь вместе влияние на оное; пусть счастье филантропических и великодушных суждений будет характером века. Во мне таковые чувства не могут приписаны быть слабости, будучи самым кротким, просвещенным и человеколюбивым народом, мы должны напоминать образованным нациям Европы, что они составляют одно семейство и что усилия, употребляемые ими в их междоусобных раздорах суть покушения на общее благополучие. Господа депутаты департаментов Законодательного корпуса, я полагаюсь на ваше содействие, так как и на храбрость моих войск».

К депутатам трибуната:

«Господа члены Трибуната!

Настоящему роду нужно счастье и покой, а победа приобретает токмо кровью народов. Счастье моего народа есть первой мой долг и первое чувство.

Я живо чувствую все, что вы мне говорите. Соединение и любовь великого народа всегда будет для меня приятнейшей наградой».

26-го вантоза, г. Мельчи, вице-президент Итальянской республики, с депутатами главных корпусов сей нации предложил императору Итальянскую корону. По прочтении определения государственной консулты, его величество сказал:

«С той минуты, как мы побывали в первой раз в вашей стороне, всегда имели в мыслях сделать независимой и свободной итальянскую нацию: мы занимались сим великим предметом среди неизвестности происшествий.

Сперва мы преобразили в Цизпаданскую республику народы правого берега реки По, а левого в Транспаданскую³⁰.

Потом счастливейшие обстоятельства позволили нам соединить сии области и составить из них Цизальпинскую республику.

Среди разных попечений, занимавших нас тогда, народы Италии, всегда трогались участием, каковое мы брали во всем, что могло утвердить их спокойствие и благоденствие; и как спустя несколько лет, мы услышали на берегах Нила, что наше здание ниспровергнуто; то чувствительно трогались несчастьями, постигшими вас. Но при

непобедимом мужестве наших войск, мы явились в Милане, между тем как народы Италии думали, что мы еще на берегах чермного моря.

Покрытые прахом и кровью сражений, мы наперед всего желали преобразить Итальянское отечество.

Статуты Лионские вручили верховную власть консульте и коллегиям, в коих мы соединили разные начала, составляющие нации.

Вы почли тогда нужным для ваших выгод, чтоб мы были главою вашего правительства, и ныне не отступая от той же мысли, хотите, чтоб мы были первыми из ваших королей. Разделение корон французской и итальянской, которое может быть полезным для утверждения независимости ваших потомков, ныне было бы пагубно для вашего бытия и спокойствия.

Я буду носить сию корону, но до тех пор, пока потребуют сего ваши выгоды, и я с удовольствием увижу приближение того времени, когда могу возложить ее на главу юного преемника, которой, одушевляясь моим духом, продолжит мое творение и будет всегда готов жертвовать собою и своими выгодами безопасности и благоденствию народа, над коим промысл, конституции королевства и моя воля призовут его царствовать».

Император послал большую ленту Почетного легиона Прусскому королю, принцу Фердинанду, Брауншвейгскому герцогу, фельдмаршалу Меллендорфу, барону Гардембергу, министру иностранных дел графу Шулембургу и графу Гаугвицу.

Король Прусский прислал орден черного орла императору, принцу Мюрату, принцу Камбасересу, архиканцлеру, таршалу Бертъе, министру внешних отношений, маршалу Бернадоту и гоф-маршалу генералу Дюроку.

Император дал орден Почетного легиона курфюрсту Баварскому, г. барону Монтжеласу, министру иностранных дел, г. графу Моравицкому, второму государственному министру, генералу Деруа, военному инспектору и главнокомандующему в нижней Баварии и в верхнем Пфальце, г. графу Прессингу, камергеру и тайному советнику, и г. графу Торингу; статскому советнику и камергеру.

Его светлость Баварский курфюрст послал орден Святого Губерта его величеству императору, его высочеству принцу Евгению, г. Барбе-Марбуа, министру финансов, гг. маршалам Массене, Журдану и Сульту и г. Коленкуру обер-шталмейстеру.

Император послал большую ленту Почетного легиона регенту Португальскому, и гг. графу Алафенсу генерал-фельдмаршалу советнику его светлости кавалеру большого креста Христова и проч. и проч., графу Кадавилу генерал-лейтенанту и проч. и проч. графу Биллаверду, первому Министру и проч. и проч., маркизу Белласу, великому канцлеру, капитану гвардии и кавалеру большого креста

святого Иакова и проч. и проч., Аранио министру и статс-секретарю иностранных дел и проч. и проч., Лиме чрезвычайному посланнику во Франции по случаю коронации его величества и проч. и проч.

Принц Регент прислал знаки ордена Христова его величеству императору, г. Годену, министру финансов, гг. маршалам Бессьеру, Ланну, Мортье, Нею, Даву и г. Сегюру обер-церемонийместеру.

Коронование императора королем Итальянским произведено в Милане³¹ 26 мая 1805 (6 прериала 13 года). Кардинал архиепископ сего города помазывал его величество. Краткость сего сочинения не позволяет нам поместить здесь весь церемониал коронации. Вот небольшое описание оногo, взятое из италианского журнала.

Прекраснейший день озарил Милан; прошедшее не представляет ему подобного; он предзнаменует счастливейшую будущность. Наполеон император французов, избранный и провозглашенный королем Итальянским, увенчал в сей день величественную главу свою железною короной Ломбардских королей; он сел на древний им восстановленный престол; клялся пред Богом и новыми своими подданными быть для них попечительным и правосудным монархом, иметь к новым детям своим чувства нежного и благотворительного отца. Мысли его до сих пор согласовались с его действиями и никогда не преставал и не престанет он согласовать должность свою с правами своими.

Простое повествование не позволяет здесь изобразить, сколь блистателен был сей благополучный день. С 8 часов утра и до самой ночи публичные церемонии с необыкновенною, или лучше сказать никогда невиданною пышностью, занимали попеременно каждую минуту начиная с помазанья и коронования, совершившихся в соборной церкви.

Император прияв Италианскую корону и возобновив благочестивое обыкновение древних государей сих стран отправился с великолепною свитою в церковь св. Амвросия; шествие и возвращение его представляли необъятной и радостной толпе зрителей столь прекрасное и разнообразное соединение удивительных и трогательных увеселений, что даже старики, привыкшие преимущественно хвалить прошедшие происшествия, были восхищены живейшим энтузиазмом. Тщетно ночь стремилась простереть тень свою на наш город; она уступила блеску всеобщей и великолепной иллюминации, которая рисовала огненными чертами окрестности и чудесной вид купола; большая часть палат и домов соединяли со светом иллюминаций девизы и надписи. Первой день, посвященной живейшей национальной радости в знак веселия был окончен необъятным, блистательным фейерверком, сожженным на том месте, где толико кратно горел человекоубийственный и ужасной костер.

4-го июня, Дожд и депутация Генуэсского Сената и народа объявили императору и королю в Милане желание Сената и народа присоединить

ко Франции Геную и Лигурийскую землю. На речь, сказанную Дожем, его величество отвечал:

«Г. Дожд и гг. депутаты Сената и народа Генуесского!

С начала десяти лет обстоятельства и ваше желание призывали меня вступить во внутренние ваши дела. Я всегда приносил вам мир и старался дать успех свободным понятиям, которые бы могли доставить вашему правлению древнюю его славу. Но я сам скоро уверился, что вам одним невозможно ничего учинить достойного ваших отцов. Все пременялось: новые начала коммерческих постановлений, которые приняла англичане и принудили признать большую часть Европы; право блокировать места, неподлежащие блокаде и даже целые берега и реки, которое ничто иное есть, как право уничтожать по их воле коммерцию народов; непрестанно возрастающие опустошения варваров, все сии обстоятельства, при самой независимости вашей, лишали вас всего.

Потомство возблагодарит меня, что я желал сделать моря свободными и принудить варваров не нападать на слабые флаги, а жить так, как земледельцы и честные люди. Одно участие и достоинство человека одушевляло меня. При Амьенском трактате Англия отказалась споспешествовать сим благородным мыслям. Потом одна великая держава матерой земли также удалась от оных. А мне одному, чтоб поддержать сии законные начала надлежало бы прибегнуть к оружию; но я не имею права проливать кровь моего народа, разве только в случае защищения собственных его выгод.

Со времени, как Европа могла получить от Англии только то, чтоб право блокировать простиралось на одни места, уже блокируемые; со времени, как флаги слабых остались без защиты и преданы грабительству варваров, не осталось более независимости на морях: тогда же строгие наблюдатели предвидели то, что ныне последовало: как скоро нет независимости на морях для торгового народа; тотчас рождается в нем нужда соединиться с сильнейшим флагом; я приведу в действие ваше желание. Присоединю вас к моему великому народу. Это будет для меня новым средством соделать действительнейшим покровительство, которое всегда любил оказывать вам. Народ мой примет вас с удовольствием; он знает, что при всех обстоятельствах, вы дружественно помогали его армиям и подкрепляли их всеми средствами и всеми силами, при том же он находит у вас гавани и приращение морской силы, нужное ему для подкрепления своих законных прав против похитителя морей. Соединясь с моим народом, вы найдете матерую землю, вы, которые имели токмо моря и пристани, вы найдете в ней флаг, которой, несмотря на все требования моих неприятелей, я буду сохранять на всех морях в свете всегда свободным от посмеяния и смотров и от права блокады; оно должно касаться на суше и на море

одних мест действительно блокируемых. Наконец вы найдете в ней совершенное убежище от постыдного рабства; пусть слабые державы угнетены им, но я всегда могу предохранить от него моих подданных. Ваш народ найдет во всегдашнем моем уважении и в отеческих чувствах, каковые отныне буду иметь к нему, поручительство, что все исполнено будет, что только может споспешествовать его счастью.

Г. Дож и гг. депутаты сената и народа генуэсского, возвратитесь в ваше отечество: скоро я туда прибуду; и там запечатлею соединение, которое мой народ и вы составите. Эти преграды, разделяющие вас, уничтожатся для общей пользы; и дела приведены будут в натуральное свое положение. Руки всех граждан, приложенные внизу представления вашего, отвечают на все возражения, каковые бы я мог себе сделать: они составят единственное право, которое я признаю законным. Совершив оное, я только что исполню обещание сохранить вашу независимость».

